
ИСТОРИЯ ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

Б. М. КОНДОРСКИЙ

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ 1917–1922 гг.

Гражданская война рассматривается автором в аспекте противостояния и борьбы старого и нового миров, что предполагает анализ основных особенностей мир-системы как уникального социально-исторического феномена системного характера. В основе мир-системы на каждом этапе исторического развития всегда лежало мифологическое сознание. Важнейшим аспектом мира как мифа является сакральность. Проведен углубленный анализ данной категории и характера сакрализации власти в истории России, начиная с Древней Руси. Именно десакрализация императорской власти в массовом сознании российского общества явилась одной из основных причин обеих революций в начале XX в. Особое внимание уделено изучению процессов сакрализации – десакрализации власти на примере офицерского корпуса царской России, представлявшего собой закрытую корпоративную мир-систему и формировавшего в своих рядах специализированный тип профессионального менталитета, подвергшегося деструкции после Февральской революции и особенно во время Гражданской войны. Временное правительство ничего не смогло предложить обществу, кроме ничем не подкрепленных лозунгов «свободы» и «демократии». После его падения раскол России обрел и ментальную составляющую: большевики вдохновляли своих сторонников идеями строительства «нового мира», тогда как руководство Белого движения в борьбе с большевиками опиралось на «обломки» старого мира.

Ключевые слова: мир-система, мифология, сакральность власти, офицерский корпус царской России, менталитет, Февральская революция, большевистская партия, Гражданская война в России.

За последние 200 лет в мире зафиксировано около 250 гражданских войн. Если в XIX – первой половине XX в. каждые десять лет происходили в среднем семь гражданских войн, то во время

холодной войны – уже около 18. В современный период мы имеем максимум – 30 гражданских войн за одно десятилетие. За период после Второй мировой войны в гражданских войнах погибло около 25 млн человек (Багдасарян 2018: 14). С учетом вышеуказанной тенденции и текущей гражданской войны на Украине данная проблема носит более чем актуальный характер, особенно что касается теоретического осмысления данного исторического феномена.

Обычно гражданские войны рассматриваются как политический феномен. В советский период доминировал классовый подход. В период перестройки в развернувшихся дискуссиях стали звучать призывы исследовать Гражданскую войну как сложное, многофакторное явление. Однако попыток исследовать глубинные основы и причины Гражданской войны в России с теоретических позиций имеется не так уж много. Автор предлагает оригинальный подход к пониманию данного феномена.

Внимательный анализ известной трилогии А. Толстого «Хождение по мукам» показывает, что все события происходят в рамках конкретных миров. То ли это богемный Петербург, то ли страшный и непонятный мир войны, вызывающий чувство обреченности и безысходности, то ли катастрофа имперского мира после Февральской революции. В период Гражданской войны главные герои оказываются уже на обломках старого мира; и это мироощущение глубоко пронизывает почти все произведения писателя (Машбиц-Веров 1929).

Подобного рода построение литературного произведения было характерно для Л. Толстого, особенно в его романе «Война и мир». Даже московский пожар предстает перед нами как особый мир со своей внутренней структурой и, можно сказать, со своими внутренними законами. В основе этого гениального произведения лежит мучительный поиск своего мира Пьером Безуховым.

«Мир» как понятие или «словообраз» толкуется обычно в соответствии с обыденным пониманием. Мы же трактуем это понятие как описывающее социально-исторический феномен, имеющий свои внутренние законы. Без этой категории невозможно осмыслить глубинную суть исторического процесса, и в частности гражданских войн в мировой истории.

Для того чтобы понять, что мы имеем сегодня и что нас ждет завтра, иногда полезно заглянуть в прошлое. Исторический процесс представляет собой иерархию временных систем. Автором

было показано, что, в частности, для более глубокого понимания современного проекта «Экономический пояс Шелкового пути» нужно углубиться в историю Китая на две с половиной тысячи лет (Кондорский 2019).

Здесь нам будет полезной революционная концепция исторического развития (Он же 2020). В основе каждого исторического этапа лежит определенный тип революций: неолитических, архаических, феодальных, революций Нового времени. Каждый новый этап характеризовался определенным типом социума и соответствующего сознания. Именно революции формировали потенциал последующего развития, который зависел от уровня преемственности с предыдущим периодом. Чем выше уровень преемственности, тем меньше потенциал. Основной целью и задачей всех революций было устранение носителей «старого сознания».

По нашему мнению, для социума характерны две базовые составляющие. Одна связана с существованием людей как биологических существ. Хозяйственная деятельность на этом уровне обеспечивает основные физиологические потребности человека. Ареной жизни человека уже как собственно социального существа является мир (мир-система). Сразу оговоримся, так как этот термин используется в настоящем исследовании, что мир-система в нашем понимании есть социальный феномен, принципиально отличный от мир-системы в понимании И. Валлерстайна, в работах которого это ключевая геополитическая и геоэкономическая категория (Валлерстайн 2001).

Мир-система в нашей трактовке обеспечивает социум «жизненной силой», источником которой в период ранней древности считались боги. Если в этот период существование абсолютного большинства сообществ происходило в формах относительно автономных общин и соответствующей таким сообществам хозяйственной деятельности, то «жизнь» проявляла себя в форме различного рода празднеств на территории ритуальных центров, где несколько раз в году собирались члены соседних общин. Классическим примером может служить Стоунхендж.

Если в рамках общины человек полностью подчинялся ее правилам и распорядкам, то в период празднеств запреты снимались, а правила изменялись, на короткое время проявлялась совокупность относительно свободных индивидуумов, вне зависимости от их принадлежности к той или иной традиционной общине. Именно здесь происходил обмен информацией, что в дальнейшем обеспе-

чивало процесс прогрессивного развития. Посредством ритуалов и обрядов люди как бы заряжались жизненной энергией, полученной от богов.

Новый мир формировался изгоями из традиционных общин. Классическим примером может служить освоение междуречья Тигра и Евфрата и поймы Нила. Освоение носило не только хозяйственный, но и мифотворческий характер, сопровождаясь появлением соответствующих мифологических систем. В основе любой мир-системы на всех этапах исторического развития лежало и лежит мифологическое сознание. Можно говорить о мифологически освоенном мире, когда он становится своим; более того, человеком мир воспринимался только на основании и в рамках мифа (Жилияков 2017: 229).

Мир открывается человеку через его мировоззрение, и то, каким он ему открывается, зависит от этого мировоззрения. Последнее выступает в качестве способа освоения мира. Здесь значительную роль играет эмоционально-оценочное отношение к конкретным явлениям мира. В мировоззрении просматривается как внерациональный (мироощущение), так и рациональный (миропонимание) уровень (Иткулова 2010: 166). Следует отметить, что в архаический период мироощущение и миропонимание находились в единстве, подкрепленном мифологическим базисом.

Мифологию следует рассматривать как целостную систему миропонимания. Миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее, и будущее (Леви-Стросс 1985: 186). По образцу мифологической космогонии человек организует свое жизненное бытие на основе архетипов Космоса, Хаоса, культурного героя, золотого века, сакрального центра, враждебной периферии. Миф является универсальным архетипом поведения индивида (Элиаде 2010: 28–30) в рамках мир-системы.

Для мифа характерны регенерирующие функции. Кризисная ситуация разрушает в обществе рациональные мотивы, и через миф общество воссоздает новый социальный мир. Миф расставляет все по своим местам (Кольев 2003: 70). Во время мировоззренческого кризиса он способен объединить людей (Яковлева 2010: 106).

Миф для субъекта с мифологическим мышлением является абсолютной реальностью (Цельковский 2011: 14). Он, можно сказать, даже более реален, чем сама объективная, материальная реальность. Термин «вымысел», даже в бессознательном понимании (Козырева, Слободчикова 2017: 75), не может быть применен к мифологии.

Миф всегда имеет отношение к созиданию, рассказывая, как что-то появилось в мире. Мифологические образы прошлого продолжают жить в настоящем, постоянно находясь как бы внутри него (Евгеньева 2015: 85). Деление окружающего пространства на свое и чужое является характерной особенностью мифологического мышления. Место своего обитания идентифицируется как сакральный центр мира. Космос противостоит враждебной периферии, которая олицетворяет силы неупорядоченного и опасного Хаоса (Цельковский 2016: 15).

Важнейшим аспектом мира является понятие сакральности. Его обычно используют в качестве синонима слову «священное». Мы считаем, что эти две категории находятся в разных плоскостях. Тезис: «Сакральное содержит в себе языческое и христианское» (Беспалов 2013: 111) не совсем корректен. Священное относится к базовым понятиям мировых религий, а сакральное связано с языческим периодом, когда полностью доминировали законы мир-системы. Даже мифологические верования древних греков и римлян нельзя назвать религией в классическом понимании этой категории. Нельзя также говорить о том, что христианство или ислам сменили языческие верования. Они вплоть до нашего времени существуют параллельно, просто «ушли» на глубинные уровни сознания. В Саудовской Аравии, стране, где государственной религией является ваххабизм – наиболее ортодоксальное течение ислама, – еще в начале XX в. для бедуинов были характерны многочисленные рецидивы языческого сознания (Васильев 1999: 76–77).

Термин «сакральное» происходит от латинского *sacer*. Семантика этого слова связана прежде всего с ритуальным запретом. Человек делил все силы на рутинные, достаточно хорошо известные и предсказуемые, и неизмеримо более таинственные и непредсказуемые высшие силы, характеризующиеся невероятной мощью, масштабом воздействия на жизнь и само существование людей. Главными носителями таких сил были особые существа – божеества, духи. Любое соприкосновение с высшими силами считалось для людей необыкновенно рискованным. О сакрализации власти и ее носителей можно говорить, если она считается особо причастной к высшим силам и их проявлениям (Андреева и др. 2005: 4–5).

Для того чтобы выделиться из мира профанного, нужно было закрепить связи со сверхъестественным миром. Тесный контакт с сакральным миром давал основание для обладания властью. Вожди постоянно должны были показывать свое могущество. Любая

власть считалась сакрализованной, то есть сверхъестественной и таинственной (Калиниченко 2014: 15), закрепляя за собой статус сакральной посредством демонстрации своих знаний о наличии потустороннего мира и способности воздействовать на него (Прилукова 2011: 36).

Сакральное имеет биполярную природу. С одной стороны, человек, приближавшийся к сакральному, был охвачен страхом грозившей ему реальной или мнимой опасности. С другой стороны – только сакральный объект обладал магическими потенциями, способными сохранить человеку жизнь, оградить его от несчастий. Научиться управлять сакральными силами и обращать их действие себе на пользу было главной задачей власти в эпоху язычества. Для этого ею проводились различного рода обряды и ритуалы (Сазонова 2018: 68).

На каждом этапе исторического развития мы имеем определенный базовый тип мир-системы. В период ранней древности таким было вождество, после архаических революций – полис. В свое время автором было показано, что структуры полисного типа были характерны не только для Греции и Италии, но и для Ближнего Востока, Северной Индии, Китая (Кондорский 2013).

После появления нового типа мир-системы начинался процесс огосударствления. Мир-система постепенно как бы «натягивала на себя одежды государственности». В частности, это наблюдалось в особый период ранней древности, следующий после архаических революций, – в период формирования так называемого «раннего государства», полисного, а затем имперского (например, Рима). Хотя в имперский период от собственно полисов осталась одна «оболочка», тем не менее муниципии оставались основой римского государства, источником римского гражданства и ареной общественной жизни. Причиной периода гражданских войн в Риме стало появление сознания, противостоящего старому полисному миру, который в период Поздней республики полностью исчерпал свой потенциал развития.

После феодальной революции в Западной Европе на рубеже 1-го тыс. н. э. появляется единый христианский мир, который после Тридцатилетней войны и Вестфальского мира начинает «одеваться в костюмы» национальных государств. Следует обратить внимание, что Тридцатилетняя война происходила по законам гражданской войны.

Древняя Русь также представляла собой мир-систему, пронизанную мифологическим сознанием (Поляков 2006). Это образование нельзя назвать государством. К началу XIII в. эта система полностью исчерпала свой потенциал развития и находилась в состоянии междоусобной гражданской войны. Революционный феодальный период на территории Северо-Западной Руси начался во второй половине XIII в. с подавления вольностей городских общин (как носителей старого сознания) Александром Невским и его сыном Андреем в условиях нашествия Орды. Закончился этот революционный период уже в конце XV в. при Иване III присоединением к Московскому государству Новгорода – последнего реликта Древней Руси (Кондорский 2021а: 58).

Отметим, что вследствие невысокого уровня инновационного потенциала феодальной революции основная часть боярской элиты воспринимала Москву не столько как государство (в классическом понимании), сколько как мир-систему. Попытки Ивана Грозного форсировать процесс огосударствления привели к гражданской войне в форме опричнины и в конечном итоге завершились Смутным временем. Этот драматический опыт форсированных преобразований на пути к новой мир-системе позволяет сформулировать очень важный вывод – любое кризисное ослабление государственности создает условия для гражданских войн.

Тем не менее Смута была преодолена, и новая мир-система укрепилась. Логическим результатом этого стали реформы Петра I, который заложил основы имперской государственности, имперского мира. В первой половине XIX в. усилиями Николая I Россия была «одета в гражданско-военный мундир», который с небольшими изменениями сохранился до революции 1905–1907 гг.

Мир-система и государство в России, так же как и в других цивилизационных странах, существовали одновременно, но как бы в разных измерениях. И «государство», и «мир-система» как категории имели свои внутренние законы и свои базовые понятия. В случае мир-системы это миф (мифология), жизненная сила, сакральность, харизма (добавим в перечень и такое понятие, как «благо» в широком смысле этого слова), Отечество (неслучайно есть расхожая фраза: «Служить на благо Отечества», а не государства).

В отличие от государства как политического феномена, мир-система не является созданной человеком организацией. Она формируется естественным путем; и если в государстве человек под-

чиняется его законам и управленческому аппарату, то в случае мир-системы он обретает ощущение принадлежности к определенному миру. «Государственные одежды» имеет только мир-составляющая социума (в широком смысле этого слова). Структуры «существования» (в виде традиционной общины) в рамках государства воспринимаются таким «огосударвленным» социумом лишь в качестве своеобразного «черного ящика».

Во второй половине XIX – начале XX в. в царской России можно обнаружить сосуществование мир-систем трех основных типов. Имперская в основном была связана с чиновничьим управленческим аппаратом, который ощущал свою непосредственную связь, жизненную зависимость от имперского мира. Базовой категорией российской мир-системы было понятие «Отечество», которое интуитивно ощущалось образованной частью населения страны. Наконец – Русский мир, который имел корни еще в Древней Руси, если не в племенном славянстве, и служил основой существования крестьянства.

К имперской мир-системе в форме чиновничества крестьяне относились с настороженностью и даже враждебностью. Для понимания сущности имперской мир-системы нужно вернуться к понятию «сакральность». Для древних славян было характерно обожествление природы. Праздники и обряды языческих славян были связаны с солярными и астральными культами. Широко распространенными были практики одухотворения, одушевления сил природы (Устименко 2017: 35–36).

По мнению Л. А. Андреевой, в сознании жителей Древней Руси отсутствовало основание для обожествления власти князя. Князь назначался вече, был подконтролен ему и выполнял военно-охранительные и фискальные функции. Первым реальным претендентом на самодержавие стал Андрей Боголюбский, разогнавший вече в Ростове и Суздале (Андреева 2001: 78). Как известно, Боголюбский в итоге был убит своим ближайшим окружением. В стремлении обладать единоличной властью он опередил свое время. Подобного рода ситуации встречались в мировой истории. Достаточно вспомнить Эхнатона (Аменхотепа IV), проклятого после смерти жрецами, или Сервия Туллия и Юлия Цезаря, в убийстве которых участвовали даже ближайшие родственники.

На самом деле ситуация с властью в Древней Руси была несколько иной. В Древнем Египте фараон считался медиатором божественной силы, которая от бога солнца Ра переносилась ему

богом-соколом Хором (Кондорский 2013: 18). Аналогичная ситуация наблюдалась в Древней Руси. Соколиная символика активно использовалась Рюриковичами (Рапов 1968). Сокол был связан с солнечным богом Сварогом и считался его зооморфным воплощением (Грот 2017: 345). Сознание человека того времени носило в своей основе сакральный (языческий) характер. Реально христианство «скользило» по поверхности древнерусского общества (Дворниченко 2014: 277). Культ христианского Бога рассматривался как один из существующих на Руси культов языческих богов (Горский 2004: 193). Языческое мироощущение в общественном сознании Древней Руси было настолько сильным, что порой сами служители церкви путали языческие и христианские праздники (Данилова 2010: 80).

Сакральность сознания проявляла себя в антропоморфном восприятии государства и княжеской власти. Материально воспринимаемая власть как бы являлась частью родового имущества Рюриковичей, которым они могли распоряжаться так же, как и другими видами имущества. Антропоморфная концепция государства, в которой князь – голова, а народ – тело, присутствует в «Слове о полку Игореве» (Толочко 1992: 15).

Уже в рамках формирующегося Московского государства начинает утверждаться византийский вариант верховной власти, признающий императора наместником Христа, сочетавшего функции правителя и первосвященника. Такое сочетание называется цезарепапизмом и принципиально отличается от разделения духовной и светской власти в Западной Европе в феодальный период (Морина 2008: 135).

Еще в XV в. русский мыслитель Иосиф Волоцкий выдвинул концепцию абсолютной монархии. Старцем Филофеем из Великопустынского монастыря был создан новый политический миф «Москва – третий Рим», в основе которого была идея избранного народа, законного преемника славы римских и византийских императоров (Паламарчук 1991: 30). Миф о третьем Риме носил ярко выраженный мессианский характер и зиждился на отрицании западных ценностей (Шкурко 2009: 130). Следует отметить, что он имел цивилизационно-имперский, а не политический характер. Имперскость в византийском понимании на уровне элиты постепенно становится органической частью российского цивилизационного сознания, его базисом.

Однако в середине XVI в. это понимали только Иван Грозный и его ближайшее окружение. Всякого рода рюриковичи и гедиминовичи даже после венчания Великого князя на царство воспринимали его лишь первым среди равных. Грозный позиционировал себя исключительно единоличным правителем, обязанности и права по управлению государством которому даны Богом. Постепенное изменение статуса правителя происходило и в мифологическом сознании масс. Царский титул равнял московского государя с византийским императором (Баринов 2015: 99).

Иван Грозный считал, что обладает особой харизмой, при которой его действия не попадают под человеческий суд. Он ответственен только перед Богом и даже чем-то подобен Богу в его отношениях с подданными. Для царя было характерно активное вмешательство в дела православной церкви (Там же: 101). Религиозные и светские функции русского царя не разделялись (Щербинина 2017: 194). Важнейшую роль приобрел акт миропомазания; как известно, после помазания израильских царей на них нисходил Дух Господен (Бабинцев 2017: 115); миропомазание придавало царю особый харизматический статус – он уподоблялся Христу (Успенский 2002: 149).

В отличие от Западной Европы, эти практики воцарения имели не только религиозную оболочку, но и сакральный базис, уходящий своими корнями в языческий период. В русском понимании власть не столько была дарована Богом, сколько предопределена и освящена им. Почитался не столько сам царь, сколько его титул, который считался созданным не человеком, а Богом (Шебзухова 2021: 34): мы имеем здесь ярко выраженные архаические корни. Так, в период ранней древности считалось, что Вавилон как город обладает царственностью.

Сакрализация должности правителя была ключевым моментом институционализации и деперсонализации его власти, постепенно превращения в символ. Престиж, авторитет и власть стали рассматриваться в качестве имманентных функций правителя. Обладание сакральной благодатью шаг за шагом превращается в свойство причастности к власти (Прилукова 2011: 37). Формировалось представление о государе как избраннике и ставленнике Бога (Беспалов 2013: 113).

В представлениях людей XVI в. царь после смерти давал отчет Богу о своих деяниях. Если в период его правления на долю подданных выпадали природные катаклизмы или социальные потрясе-

ния и бедствия, он подвергался суровому наказанию (Михайлова 2010: 19–20). При этом природные катаклизмы и социальные бедствия рассматривались в рамках одной системы. Автором в свое время была выдвинута концепция ойкумены как особой системы, имеющей свои внутренние законы, как освоенного человеком географического пространства, как единства социальных и природных явлений и процессов¹. Законы ойкумены и соответствующего типа сознания играли исключительно важную роль в истории государств (мир-систем) цивилизационного типа. Гениальность Петра I, Кутузова, Сталина заключалась в том, что они смогли перевести армии Карла XII, Наполеона, Гитлера, отличавшиеся более высоким уровнем профессионализма, из европейской политической системы в пространство Российской ойкумены, где определяющую роль играли в том числе климат, географические факторы и законы автохтонных мир-систем.

При Петре I идея третьего Рима фактически трансформировалась уже в «четвертый Рим» в лице Петербурга. Петербург был для Петра святой землей, в которую он вложил всю свою душу (Шебзухова 2021: 43). С появлением имперской мир-системы Петр стал источником имперской сакральности. Каждый российский император, чтобы быть в глазах подданных источником «жизненной силы», должен был особо почитать первого императора.

Во все периоды имперской истории Российского государства синтезировались мифологические конструкции, призванные удерживать монолитность общества. Все это происходило за счет подавления негосударственных форм общественного сознания. К XVIII в., по существу, доминировал образ могущественной империи, культ военной славы, сильной личности, идея мессианского пути, миф о победном характере государства (Шкурко 2009: 30).

Для поддержания подобного рода системы России регулярно нужно было «показывать свой флаг». Участие в Семилетней войне, антифранцузских коалициях имело лишь малую связь с реальными национальными интересами Российского государства. Мессианство стало одной из причин позорного поражения в Крымской войне.

¹ Эта концепция была апробирована автором в процессе анализа исторического развития Российской и Китайской ойкумен (Кондорский 2021б; 2021в). Напомним к тому же, что в Китае восставшие в самом конце XIX в. ихэтуани считали присутствие в стране иностранцев причиной стихийных природных бедствий и эпидемий (Калужная 1978: 111).

Даже победа в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. закончилась Берлинским конгрессом, где России было указано ее место в Европе – «в прихожей на подстилке». Единственным исключением была прагматическая внешняя политика Екатерины II. Пожалуй, она оказалась единственной из вождей Империи, кто глубоко чувствовал, понимал законы политической системы, своеобразным российским Ришелье.

В основе монархической сакральности лежит любовь к императору как земному продолжателю идеи Бога. Вся метафизика власти основана на утверждении или отрицании любви и ненависти, приятии или неприятии властной сакральности. Сакрализация фактически представляет собой безотчетную любовь верноподданного к монарху, который в его представлении наделяется всеми превосходными свойствами и качествами (Шебзухова 2021: 34).

Даже в начале XX в. проявление любви к монарху в формах, имеющих архаические корни, было характерно и для высокообразованных представителей общественной элиты России. Для примера приведем воспоминания известного философа и богослова С. Булгакова о его встрече с Николаем II в Ялте в 1909 г.: «В душе моей, как яркая звезда, загорелась идея священной царской власти, и при свете этой идеи по-новому загорелись и засверкали, как самоцветы, черты русской истории... загорелась божественная идея власти Божьей милостью...» (Булгаков 1991: 82).

Sanctus означает сакрально упорядоченное место, огороженное изгородью и окруженное стихийными враждебными силами (Беневенист 1995: 349). Царство следует рассматривать как своеобразную защиту. В Своде основных государственных законов император трактуется как верховный защитник (Морина 2008: 136).

Данное восприятие особы императора органически связывало его с армией. Нужно иметь в виду, что император выступал, с одной стороны, как верховный чиновник, глава государственной управленческой корпорации, а с другой – как главная сакральная фигура в рамках имперской мир-системы. Именно во втором качестве он органически был связан с армией. Офицеры не столько подчинялись монарху в системе государства, сколько любили его (Шебзухова 2021: 34) в рамках имперской мир-системы. Должны были любить.

Русский офицерский корпус во все времена представлял собой закрытую корпорацию, в рамках которой действовали только ей

присущие правила и законы. Соблюдение этих правил способствовало сплоченности коллектива. В основе офицерской идеологии и морали всегда лежало выполнение воинского долга перед Отечеством, а корпоративность в офицерской среде требовала соблюдения многих правил, ставших традициями (Федорова 2010: 233).

С первых дней обучения в кадетских корпусах и училищах будущий офицер воспитывался в представлениях о благородстве и почетности своей миссии. Кадетам была присуща корпоративность, которая проявлялась в трепетном отношении к военному мундиру как символу принадлежности к особому сообществу избранных (Васильев 2009: 62). Офицерский мундир требовал, чтобы его обладатель был носителем высоких нравственных ценностей. В офицерских семьях будущего защитника Отечества учили этому с детства.

Важнейшую роль играли многочисленные воинские традиции. Традиции – это духовный кодекс, передающийся из поколения в поколение, оберегаемый и поддерживаемый неукоснительным соблюдением изложенных в нем требований. Традиция – это элемент социального и культурного наследия определенного общества, нравственный фактор, определенный набор ценностей (Там же: 20). То есть здесь мы имеем все, что характерно для базового архетипа мир-системы.

На формирование традиций офицерства работала вся система образования. Перед Первой мировой войной подготовку офицеров осуществляли 30 кадетских корпусов и 22 военных училища. У кадетов и юнкеров формировалась твердая убежденность в незыблемости государственных устоев. Отношение к монархии во многом зависело от личных качеств самого монарха. В процессе учебы в сознании утверждалось уважение чести и достоинства представителей офицерского корпуса, войсковое товарищество и офицерская солидарность (Марченко 2017б: 180).

Русские офицеры своим сознанием отличались от бюрократии, находясь как бы в двух мирах. С одной стороны – император, его сакральная фигура, его обожание и почитание, а с другой – служение Отечеству. Следует отметить, что в военных учебных заведениях особое внимание уделялось изучению русской литературы и истории (Заставенко, Шарухин 2015: 190) как важнейших элементов формирования любви к Отечеству. Эта двойственность проявила себя во время Первой мировой войны. Во второй половине XIX в. образ идеального офицера в русской армии был связан

с представлением об интеллигентности, основную роль играли не политические убеждения (политическая система в классическом понимании как таковая отсутствовала), а корпоративный менталитет. Для сравнения, в германской армии исключительное внимание уделялось развитию только профессиональных качеств офицера (Назаренко 2016: 21).

Накануне Первой мировой войны в высших кругах России доминировало самоощущение принадлежности к российскому имперскому миру, а царь воспринимался как источник (транслятор) духовной жизненной силы. Высшая элита России не представляла своего существования без его сакральной фигуры. В ее сознании устранение монарха могло иметь непредсказуемые последствия. Вместе с тем каждая корпорация представляла собой особую мир-систему.

Ментальность можно определить как относительно устойчивую совокупность установок и предрасположенностей воспринимать мир определенным образом (Новая... 2010: 525). В отличие от идеологии, закрепленной властными структурами, ментальность выражает тот уровень общественного сознания, в котором отношение к миру остается логически не выверенным, неотрефлексированным, не отделенным от эмоций и привычек (Цельковский 2016: 14). В менталитет входит глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включая и бессознательное (Думнова 2013: 26).

Менталитет оказывается средством психологического существования и, главное, ориентации человека. А. Я. Гуревич обращает внимание на скрытый, неявный характер проявления менталитета. Люди им пользуются, обычно сами того не замечая, не задумываясь о его существовании, о его логической обоснованности (Гуревич 1981: 56–57). Одна из важнейших особенностей менталитета состоит в том, что он носит устойчивый характер (Кукоба 2004: 89–106).

Менталитет следует рассматривать как способ понимания мира, а не его познания. Человек, познавая мир, создает систему логических категорий. Различия между мышлением и менталитетом достаточно тонкие и вместе с тем существенные. Если мышление – это процесс познания мира, то менталитет – это форма реализации мышления, его склад и своеобразие. Это эмоциональные и ценностные ориентации, это призма, через которую человек воспринимает мир (Хромова 2017: 224).

Менталитет представляет собой способ ориентации в рамках корпорации как мир-системы. Офицерская ментальность начинала формироваться в кадетских корпусах, затем училищах и, наконец, академиях, она носила сугубо профессиональный характер, полностью подчиненный законам и традициям офицерского корпуса. В результате появлялся специализированный менталитет, имевший успех только в условиях военной корпорации и классической войны, который дал первый сбой уже во время Русско-японской войны, войны новой эпохи.

В основе корпоративного менталитета лежит единообразное восприятие окружающей действительности. То же самое касается ее оценки и действия в ней в соответствии с определенными установившимися в корпорации нормами и образцами поведения, позволяющими воспринимать и понимать друг друга (Григорьева 2011: 260).

История имеет свою внутреннюю логику. Во второй половине XIX в. начинается глубокий кризис существующей корпоративной имперской мир-системы России. Формируется системный поток (в отличие от одноразового пароксизма декабристов) «диссидентов» в рамках своих прежних сословий, социальных страт, корпораций в лице народовольцев, а затем профессиональных революционеров социалистической ориентации. Обратим в связи с этим внимание на то обстоятельство, что острое Французской революции, как ни покажется странным, было направлено не столько против дворянства и духовенства, сколько против системы корпораций, сформированной тогдашней буржуазией, которая, покупая государственные должности, была в значительной степени независима от правящего режима и чувствовала себя весьма неплохо. Французскую революцию творили индивиды, имевшие изгойский тип общественного сознания.

Схожие процессы почти полтора века спустя можно было наблюдать и в России. Появившееся после революции 1905–1907 гг. подобие политической системы в лице Государственной Думы только усилило кризисные процессы. Дума довольно быстро стала функционировать по законам корпоративной системы. Появившиеся общественно-политические организации превратились в партии «в себе» и «для себя». Особенно это было характерно для конституционных демократов: впрочем, любой корпорации присуще доминирование внутренних интересов над внешними.

Наряду с этим традиционное убеждение в том, что армия должна быть вне политики, вне партийности, а офицер не может принадлежать ни к какой партии (Никифоров 2013: 47), сослужило России дурную службу. В военных училищах отсутствовало политическое воспитание, что усугублялось порядками в действующей армии. Недостаточная осведомленность о политических течениях и особенно социальных проблемах сказалась уже в дни Первой русской революции, а в ходе революции 1917 г. и последующих драматических событий офицерство оказалось безоружным и беспомощным перед революционной пропагандой (Деникин 2002: 99–101).

Внешняя политизация отрицательно сказывается на морально-психологическом состоянии армии. Это проявилось в ходе Первой мировой войны, и этого чрезвычайно опасался Сталин, самым жестким образом пресекая любые попытки политизации командного состава Красной армии. События конца 1980-х – начала 1990-х гг. лишний раз подтвердили этот тезис.

Но, сделав небольшое историческое отступление, вернемся к периоду Первой мировой войны, к революционному процессу 1917 и последующих годов. Промышленная буржуазия была разобщена в рамках различного рода монопольных объединений и синдикатов, которые функционировали по законам не экономической, а корпоративной системы. В России существовал специфический капиталистический уклад, который, в отличие от полноценной и развитой капиталистической системы, фактически не имел потенциала дальнейшего развития (Кондорский 2017: 79).

Традиционную крестьянскую общину также следует рассматривать как своеобразную мир-системную корпорацию. Интересы крестьян не простирались далее своей родной волости. Высокий уровень концентрации рабочих на крупных предприятиях способствовал формированию «производственного патриотизма». Итак, в этот период во всех сферах мы сталкиваемся с корпоративными мирами.

Жизненный аспект и аспект существования в рамках крестьянской общины как русской мир-системы находились в определенном единстве. Издревле крестьяне на Руси считали землю общим, мирским достоянием. Земля воспринималась как Божий дар (Шапиро 1987: 32). Г. И. Успенский говорит о «деспотической» власти «любящей» мужика Матери-Земли, обременяющей его тяжким трудом и вместе с тем дающей возможность находить в нем полное нравственное удовлетворение (цит. по: Замалеев 2003: 204). В то

время процессы разрушения данной мир-системы способствовали активизации глубинных слоев сознания, что часто имело страшные проявления и последствия.

Происходила сегментация общества, и каждый сегмент жил своими особыми ожиданиями. Средний класс – дальнейшим улучшением качества жизни, правые – укреплением самодержавия, левые – радикальной революцией, либералы – учреждением конституционной монархии, крестьяне – справедливым распределением земли. Если ожидания не сбывались, происходило накопление отрицательной энергии, которое до времени носило скрытый характер. При этом власть постоянно испытывала давление несовместимых требований – различные слои общества требовали и ожидали от нее диаметрально противоположных действий.

В этих условиях инициированные Первой русской революцией реформы С. Ю. Витте и П. А. Столыпина не смогли предложить эффективное разрешение накопившихся проблем, в том числе и потому, что их инициаторы сами не могли выбраться из пут властных противоречий². В этот период большое влияние на умонастроение интеллигенции оказывало декадентство. Результатом влияния деструктивных духовно-нравственных тенденций в литературе и искусстве явились пессимизм, отчаяние, разочарование в жизни (Алексеев 2018: 19). Такие понятия, как служение Отечеству, долг, честь, стали терять свою значимость в общественном сознании. Одним из проявлений духовно-нравственного кризиса общества стало изменение отношения к военной службе. Падение ее престижа способствовало нехватке офицерского корпуса (Суряев 2017: 123–124).

В результате в начале XX в. в Российской империи наблюдался кризис всех трех мир-систем. В этих условиях Манифест от 17 октября 1905 г., предоставлявший определенные политические права и свободы, только усилил раскол в обществе. Этому способствовала и поверхностная политизация общества в условиях социального кризиса (представители нынешнего старшего поколения россиян переживали нечто схожее в период перестройки).

² Просматривается сходство с Францией в предреволюционный период. Разумные попытки реформ, предпринятые Тюрго при Людовике XVI, вызвали противодействие не только со стороны дворянства и духовенства, но и непонимание со стороны третьего сословия. В этот период, запутавшись в своей внутренней и внешней политике, правящий режим просто не знал, что предпринять. Его действия носили судорожный характер, наступал паралич власти. Следует отметить, что нечто подобное мы наблюдали и в СССР во второй половине 1980-х гг.

Революционный кризис возрастал пропорционально убыванию сакральности императорской власти. Имела место ее десакрализация. Правящие круги израсходовали свою пассионарность. Еще в начале XX в. официальные власти пытались соединить монархизм и патриотизм, понятия «царь» и «Россия» (воля царя есть воля России) (Шебзухова 2021: 45). Однако все эти попытки носили ограниченный характер и уже не могли оказать определяющее влияние на основную часть «гражданского общества» того времени.

Тем более что для этого были объективные основания, связанные со спецификой личности императора Николая II, не обладавшего даром повелевать и откровенно слабого государственного деятеля. Его идеалом был Алексей Михайлович, а Петр I почитаем им не был (Иоффе 1987: 22). По словам французского посла М. Палеолога, «у Николая II нет ни одного порока, но у него худший для самодержавного монарха недостаток – отсутствие личности» (Палеолог 1991: 422). Многих поражало сходство между Николаем II и Людовиком XVI (см., например: Троцкий 1997: 114).

Первая мировая война как война нового типа с ее тотальным характером и огромными потерями в живой силе в конечном итоге привела к разрушению корпоративно-профессиональной ментальности, корпоративной компетентности, характерной для кадровых офицеров. Последние были вынуждены полагаться на приобретенный на войне опыт уже на уровне индивидуального менталитета. У офицеров, получивших это звание по ускоренной процедуре, доминировали иные традиции, другая культура, другое происхождение. До 70 % новоявленных прапорщиков были выходцами из крестьян (Варзаков 2013: 140). Безусловно, процессы «эрозии» ментальности офицерского корпуса начались еще до Первой мировой войны. Участие армии в подавлении революционных выступлений во время первой революции получило отрицательную реакцию со стороны так называемого общественного мнения. Отечественные публицисты подвергли критике традиции, устои, мировосприятие офицерского корпуса, взаимоотношения офицеров с нижними чинами и миром штатских (Шестопалова 2018: 30). Уже в это время наметилось обострение противостояния миров и соответствующих менталитетов.

В ходе войны складывалось недовольство командного состава армии политикой правительства и поведением самого государя (Гребенкин 2010: 99). Разочарование властью и царившими в России порядками постепенно все более понижало офицерское со-

общество, необычайно усиливалась тяга офицерства к внутривнутриполитическим проблемам. Информация о жизни императора, его семьи и ближнего окружения, к тому же обрастая, доходя до окопов, самыми невероятными слухами, становилась темой для разговоров и даже критического обсуждения в офицерских кругах (Кожевин 2011: 70). Императорская особа теряла последние элементы сакральности, что способствовало разрушению самодержавной имперской мир-системы, в первую очередь в общественном сознании.

Огромные потери во время войны, по существу, выбили из строя предвоенный кадровый состав офицерства, снижая качество офицерского корпуса. Уже в 1916 г. наблюдались случаи насилия над командным составом со стороны солдат; по мнению Р. Р. фон Раупаха, к этому времени на место мотивированных солдат пришли бородатые мужики, которым было чуждо все, кроме своего села и своей хаты (Раупах 2007: 174). В данном случае шло формирование мир-системы войны, имеющей свои специфические внутренние законы, которые были абсолютно несовместимы с сознанием глав крестьянских семейств. В итоге нарастал конфликт между ними и мобилизованной на фронт сельской молодежью.

В процессе Февральской революции и первоочередных революционных преобразований произошел разрыв символической связи народа с самодержавием, столетиями бывшей основой социального мира в стране. Пресловутое триединство православия, державности и народовластного согласия стремительно распадалось, порождая непримиримо-антагонистические отношения между поляризующимися социальными стратами; был запущен процесс своего рода перекодировки всей системы социальных отношений в стране. Представители поверженной в феврале власти были объявлены врагами трудового народа, шла последовательная десакрализация самодержавия, предусматривающая всю совокупность самых радикальных мер вплоть до полной дискредитации образа самодержавия, уничтожение связанных с ним символов власти и даже самих их носителей (Глебова 2009: 26).

Февраль дополнил дореволюционные слухи самыми безудержными домыслами и фантазиями, порочившими верховную власть: репрезентация «разоблачительных материалов» о династии Романовых оправдывала свершившуюся революцию, такого рода ожесточенные разоблачения превратились в «требование времени». В истории российского самодержавия в итоге вряд ли можно найти столь опороченного монарха, как Николай II (Глебова 2009: 27).

Очевидна и неоднократно отмечавшаяся ранее аналогия с Древним Римом, когда статуям свергнутых императоров разбивали носы. Из иудейских древностей известен термин «козел отпущения». Приносимый в жертву козел как бы принимал на себя все грехи израильского народа. То же самое произошло после Февральской революции, когда таковым сделали свергнутого императора (а заодно и все его многочисленное семейство).

Февральская революция и ее первоочередные последствия сильнее всего образом расшатывали вертикаль государственного управления, резко ослабляли государственность в целом. Продолжала нарастать поляризация в офицерской среде; прежние основы идеологии офицерства (защита Веры, Царя и Отечества) размывались. К 1917 г. произошло кардинальное изменение социального состава офицерства. В полках оставались считанные единицы кадровых офицеров (Волков 2003: 298), в то время как мировосприятие офицерского корпуса в целом было практически полностью дезорганизовано безответственными популистскими решениями Временного правительства. При этом подавляющее большинство офицеров занимало выжидательную позицию (Марченко 2017а: 141). Старый мир подвергся систематическому и беспощадному революционному разрушению, тогда как структурных элементов Нового мира не просматривалось даже в перспективе.

Новые символы и порядки, каким бы удивительным это ни казалось, вызвали неприятие в первую очередь в кадетских корпусах. Красное знамя кадеты с юношеским максимализмом называли грязной тряпкой, символизирующей насилие, бунт и надругательство над всем тем, что дорого и священо для сторонников старого порядка. Были случаи открытого выступления против символов новой власти (Гребенкин 2021: 64). Такое поведение во многом определялось тем, что у кадровых военных профессионализм формировался в рамках корпоративной системы обучения. Разрушение военной корпорации произвело глубокий дезорганизующий эффект, в частности стало одной из причин неспособности офицерства к организации и согласованным действиям во время Корниловского выступления.

Одной из существенных причин деградации и морального разложения в офицерской среде после Февральской революции было вытравливание той обрядности, той торжественной красоты, которая навевала чувство благоговения перед носителями воинского звания, утрата которого влекла за собой утрату воинского духа

(Анисимова 2012: 45). Упадок морального духа сопрягался с утратой своего рода ритуальной основы, на которой зиждилась имперская военная мир-система, с полной потерей ее актуальности.

Именно после Февраля обозначился психологический слом в офицерской среде; с отречением самодержца рушилась и сама идея самодержавной государственной власти (Там же). Февраль полностью десакрализировал монарха, и армия лишилась источника «жизненной силы». Фигура императора теряла актуальность: «Покинув магическое пространство, лишившись в народном понимании волшебной силы, которую давала императорская власть, он превратился в ничто. Николай Александрович уже никому не был интересен. Он был презираем» (Глебова 2009: 29).

Период с февраля по октябрь 1917 г. следует рассматривать как своеобразную и особую мир-систему, имеющую свою специфику. Менталитет, присущий руководству большевистской партии, помог им полностью ориентироваться в столь переменчивых и неопределенных обстоятельствах.

Большевики, выходцы из различных сословий и корпораций, были изгоями, не имевшими корпоративной специализации менталитета, и, будучи профессиональными революционерами, они умели находить общий язык с народными массами. В этом большевики имели явное превосходство над министрами Временного правительства. В отличие от Временного правительства, они опирались на Советы, в основе которых лежало корпоративно-общинное представительство, что обуславливало своего рода «близость» советской организации власти народным массам (Никонов 2017: 10). Основная часть населения в царской России продолжала существовать практически во внесударственном состоянии, которое более соответствовало специфике Советов, чем псевдогосударственности, выстраиваемой под началом Временного демократического правительства.

В постфевральский период рецидивы архаического сознания проявлялись в формировании своеобразной мифологии новой мир-системы: революции требовался коварный и вездесущий враг, и таким «врагом» были назначены силы правопорядка и полиции, а полицейские участки зачастую предавали ритуальному огню как скверну старой власти (Булдаков 1997: 56). Новый пореволюционный бытовой уклад виделся в сладости безделья, непрерывном променаде при хорошем жаловании (Там же: 60). Потребовался новый герой в лице А. Ф. Керенского. В обществе утвердилось мнение,

что этот новый герой может все, и народ ожидал от него каких-то чудес (Бубнов 1955: 336)³. Именно внешняя харизма сделала Керенского героем дня, поскольку харизматическая легитимность наиболее характерна для периодов революционных перемен (Иванов 2018: 100). Однако подобного рода харизму было нужно чем-то постоянно поддерживать (так, например, харизму, на которой зиждилась власть Б. Хмельницкого, нужно было подтверждать победами над поляками [Кондорский 2021а: 64]), что толкало Временное правительство на военные авантюры (как известно, попытка Керенского закрепить свой харизматический статус успешным летним наступлением на германском фронте закончилась катастрофой). В рамках новой мир-системы, возникающей в пореволюционной России лета 1917 г., формировался даже особый язык. Центральное место в нем занимали понятия свободы, народа, революции и контрреволюции, демократии и т. д., но понятия России, Отечества, Родины, долга и чести из него выпадали (Никонов 2017: 19).

С позиций мир-системного подхода, гражданская война началась сразу же после Февральской революции. И если в царской России локальные мир-системы самого различного рода и уровня не оказывали *определяющего* влияния на внутреннюю и внешнюю политику (это касается и Государственной Думы, и буржуазии как класса, и структур, представляющих интересы промышленных кругов), то после революции все кардинально изменилось. Началось открытое противостояние всех со всеми. Резко активизировались глубинные структуры массового сознания, имевшие архаические корни, трагическим проявлением чего стали, в частности, широко известные массовые убийства офицеров матросами Кронштадта и Гельсингфорса. Корпоративный и индивидуальный эгоизм стал доминирующим фактором политики, противостояние культурных миров трансформировалось в открытую и бескомпромиссную борьбу их носителей.

Большевистское движение оформлялось в качестве особой, новой мир-системы, отличающейся высочайшим регенерационным потенциалом. Несмотря на то, что после июльских событий большевики подверглись преследованиям, руководству партии удалось не только в течение трех месяцев восстановить полное доминирование в Советах всех уровней, но и в конечном итоге взять власть в свои руки. Взять ту самую власть, которая, по меткому выраже-

³ Отметим в этом поразительное сходство с современной Украиной.

нию одного из современников, к осени 1917 г. буквально «валялась в грязи».

Перейдем к заключительным выводам исследования.

Февральская революция и Гражданская война стали логическим следствием глубокого кризиса имперской мир-системы на фоне «бесцветного» императора. Но практически то же самое следует сказать и о российской мир-системе в целом, о внешне олицетворявшем ее предреволюционном «гражданском обществе» и о русской мир-системе, воплощавшей активизировавшееся глубинное сознание крестьянской среды, по-прежнему испытывающей на себе последствия так и не завершенной Крестьянской реформы.

Белое движение воплотило собою изначально разнородный широчайший спектр политических и военных сил от сторонников реставрации самодержавия до приверженцев буржуазно-демократической республики или казачьей автономии. Платформой для их консолидации было неприятие большевиков и борьба против советской власти. Любая определенность в вопросе о будущей форме правления грозила расколоть и без того хрупкий альянс. Офицеры, начавшие организованное сопротивление большевистскому перевороту в Петрограде, оказались на юге России, по существу, в качестве изгоев. Попытка опереться на донское и кубанское казачество давала неоднозначные результаты ввиду неоднородности казачества, каждый из многочисленных отрядов которого претендовал на то, чтобы олицетворять собой особый культурный мир со своей историей, мифологией, ритуалами и обычаями.

В Добровольческой армии было деление на офицеров-добровольцев и мобилизованных офицеров, нахождение которых на положении рядовых било по их самолюбию (можно вспомнить психологически точно воспроизведенные муки подполковника В. Рощина из трилогии А. Толстого). Добровольческая армия представляла собой определенный корпоративный мир, так же как и отдельные именные полки. В имперских военных «академиях» генералов не учили воевать в условиях гражданской войны и, главное, заниматься вопросами административного управления, организации гражданского тыла. В дальнейшем, с образованием в самом начале 1919 г. ВСЮР (Вооруженные силы Юга России), собравших под единым командованием ресурсы Добровольческой армии и Всеволоцкого войска Донского, этот разлад распространился и на данное объединение.

На территории, контролируемой Белой армией, оказалось достаточное количество бывших царских чиновников. Но они, так же как и кадровые офицеры и генералы, имели специализированный корпоративно-бюрократический менталитет, то есть могли эффективно проявлять свои профессиональные способности только в условиях достаточно стабильной и организованной государственной власти.

Правительство ВСЮР не пользовалось поддержкой среди населения Юга России, что усугублялось отсутствием дисциплины в войсках, мародерством, катастрофической ситуацией с тыловым обеспечением; негативную роль играли и попытки белых опереться на изжившие и дискредитировавшие себя прежние имперские структуры государственной власти.

Противостояние мира, который начали строить большевики, и «обломков» старого мира, которые порой крайне непоследовательно и неосмотрительно пытались сохранить лидеры Белого движения, в ходе Гражданской войны воплотилось в неприкрытую борьбу миров, которые силой оружия продвигали две армии одного народа, Красная и Белая. И если Белая армия в какой-то степени имела адекватное структурное оформление, то сплоченность и организованность под единым командованием Красной армии представлялась серьезной проблемой, решение которой далось большевикам с трудом и немалыми репутационными потерями в глазах населения страны, прежде всего – в крестьянской среде.

Вместе с тем в пользу большевиков в конечном счете сыграло то, что они транслировали в массы веру в новый мир, и это становилось для людей, идущих за ними, внутренним источником жизненной силы; в итоге сторонники красных становились пассионариями, а сторонники белых оказывались в социально проигрышной позиции субпассионариев.

Возникшая по итогам Гражданской войны и конституционно закреплённая в декабре 1922 г. в институциональной форме СССР государственность советского типа изначально выстраивалась на принципах идеологической и властно-политической однородности. Роль небольшевистских элементов в советских властных структурах была незначительной и последовательно сходилась на нет. Большевики со свойственным им менталитетом профессиональных революционеров лучше представителей других революционных движений ориентировались в стихии гражданской войны. Не менее успешными оказались они и в вопросах государственного строи-

тельства по итогам этой войны. По существу, РКП(б), в декабре 1925 г. переименованная в ВКП(б), представляла собой уникальную даже по российским меркам партию неклассического типа, скорее соответствующую нашему представленному выше пониманию глубоко структурированной мир-системы, партию, которая на долгие десятилетия задавала основные направления и законы функционирования государственности советского типа.

Литература

Алексеев, А. В. 2018. *Духовно-нравственное состояние русского общества конца XIX – начала XX веков: историко-конфессиональный (православный) взгляд*. М.: НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА. 189 с.

Андреева, Л. А. 2001. *Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России*. М.: Ладомир. 254 с.

Андреева, Л. А., Бондаренко, Д. М., Коротаев, А. В., Немировский, А. А. 2005. Введение к сборнику «Сакрализация власти в истории цивилизаций». В: Бондаренко, Д. М. (ред.), *Сакрализация власти в истории цивилизаций*. Ч. 1. М.: ЦЦРИ РАН. С. 5–32.

Анисимова, А. В. 2012. Морально-психологическое состояние офицерского корпуса накануне Гражданской войны: 1916–1917 гг. *Ярославский педагогический вестник. Отечественная история* 1(2): 43–48.

Бабинцев, Е. О. 2017. Ветхозаветные образы в коронационных обрядах средневековой Англии (в контексте сакральной легитимации королевской власти). *Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия* 2: 113–120.

Багдасарян, В. Э. 2018. Гражданские войны в мировом историческом процессе: факторы воспроизводства конфликта. *Вестник МГОУ. История и политические науки* 5: 12–23. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-12-23.

Баринов, А. В. 2015. Сакральный объект и его статус в мифологическом сознании. *Вестник Новгородского государственного университета* 87(4–1): 98–102.

Беневенист, Э. 1995. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М.: Прогресс-Универс. 456 с.

Беспалов, С. В. 2013. Проблемы восприятия и репрезентации царской власти в России (аналитический обзор). В: Шевырин, В. М. (отв. ред.), *История России в современной зарубежной науке*. Ч. 3. *Сборник обзоров и рефератов*. М.: РАН ИНИОН. С. 110–135.

Бубнов, А. Д. 1955. *В царской ставке. Воспоминания адмирала Бубнова*. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова. 388 с.

Булгаков, С. 1991. *Православие. Очерки учения Православной церкви*. Киев: Лыбидь. 237 с.

Булдаков, В. П. 1997. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия*. М.: РОССПЭН. 376 с.

Валлерстайн, И. 2001. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга. 416 с.

Варзаков, И. В. 2013. Военная интеллигенция в Белой борьбе на Восточном фронте: штрихи к портрету. *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета*. Сер. 3. Гуманитарные и общественные науки 1: 139–150.

Васильев, А. М. 1999. *История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.)*. М.: Редакция газеты «Труд»; Классика плюс. 672 с.

Васильев, М. В. 2009. Из опыта воспитания русского офицерства царской России в конце XIX – начале XX в. *Вестник Псковского государственного педагогического университета*. Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки 9: 61–65.

Волков, С. В. 2003. *Русский офицерский корпус*. М.: Центрполиграф. 414 с.

Глебова, И. И. 2009. Сакрализация верховной власти в России как культурно-исторический феномен. *Россия и современный мир* 4: 23–43.

Горский, А. А. 2004. *Русь: от славянского Расселения до Московского царства*. М.: Языки славянской культуры. 392 с.

Гребенкин, А. Н.

2010. *Русский офицер в годы Мировой войны и революции: 1914–1918 гг.* Рязань: Рязанский государственный университет. 400 с.

2021. Символы и ритуалы в жизни российской военной школы в годы гражданской войны и эмигрантского рассеяния. *Метаморфозы истории* 21: 62–74.

Григорьева, И. В. 2011. Концепты «менталитет» и «этнос» в контексте изучения межэтнического диалога. *Ярославский педагогический вестник* 1(4): 259–265.

Грот, Л. П. 2015. Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти. В: Фомин, В. В. (ред.-сост.), *Варяги и Русь*. М.: Русская панорама. С. 245–500.

Гуревич, А. Я. 1981. *Проблемы средневековой народной культуры*. М.: Искусство. 359 с.

Данилова, А. И. 2010. Традиции двоеверия в русском православии. *Теория и практика общественного развития* 4: 79–81.

Дворниченко, А. Ю. 2014. *Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства*. СПб.: Евразия. 560 с.

Деникин, А. И. 2002. *Путь русского офицера (автобиография)*. М.: Вагриус. 634 с.

Думнова, Э. М. 2013. «Менталитет» и «ментальность» как категории социальной философии. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика* 13(1): 25–29.

Евгеньева, Т. В. 2015. Место мифологических образов в восприятии политических явлений и процессов. В: Малинова, О. Ю. (гл. ред.), *Символическая политика: сб. науч. трудов ИНИОН РАН. Вып. 3. Политические функции мифов*. М.: ИНИОН РАН. С. 79–91.

Жильяков, С. В. 2017. Феномен приобретения сакральной власти: интерпретация смысла на основе мифологического, историографического и литературного источников. *Азимут научных исследований: экономика и управление* 6(1): 228–232.

Замалева, А. Ф. (ред.). 2003. *Летопись русской философии. 852–2002*. СПб.: Летний сад. 352 с.

Заставенко, В. А., Шарухин, А. П. 2015. Патриотическое воспитание в военно-учебных заведениях России во второй половине XIX – начале XX века. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России* 4: 188–191.

Иванов, А. Г. 2018. Имперский миф – «метауровень» политической мифологии. *Гуманитарные исследования Центральной России* 3(8): 96–108.

Иоффе, Г. З. 1987. *Великий Октябрь и эпилог царизма*. М.: Наука. 373 с.

Иткулова, Л. А. 2010. Мирозрение как интегральное образование: сущность и структура. *Вестник Башкирского университета* 15(1): 164–167.

Калиниченко, А. И. 2014. Феномен сакральности в истории правовой мысли. *Пространство и время* 4(18): 14–23.

Калюжная, Н. М. 1978. *Восстание ихэтуаней (1898–1901). Документы и материалы*. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит.-ры. 364 с.

Кожевин, В. Л. 2011. Отношение к монарху и проблема политической самоидентификации российского офицерства накануне Революции 1917 г. *Психопедагогика в правоохранительных органах* 2: 70–73.

Козырева, Т. В., Слободчикова В. А. 2017. Дуалистичность политического мифа. *Вестник Югорского государственного университета* 1–2: 72–76.

Кольев, А. Н. 2003. *Политическая мифология*. М.: Логос. 384 с.

Кондорский, Б. М.

2013. Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа). В: Кобзев, А. И. (ред.), *Общество и государство в Китае*. Т. XLIII. Ч. 2. М.: ИВ РАН. С. 16–28.

2017. Попытка анализа характера развития капитализма в России в конце XIX – начале XX века с позиций концепции революционного периода. *Historia Provinciae – Журнал региональной истории* 1(3): 73–91. DOI: 10.23859/2587-8344-2017-1-3-5.

2019. Историко-экономические и политико-идеологические предпосылки китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути». *Проблемы Дальнего Востока* 2: 210–228. DOI: 10.31857/S013128120004634-8.

2020. Революционная концепция процесса исторического развития. В: *Глобальные проблемы и будущее человечества*: сб. М.: МГУ ФГП, 2020. С. 566–571.

2021а. К вопросу об истории государственности Украины. *История и современность* 1: 54–81. DOI: 10.30884/iis/2021.01.03.

2021б. Процесс исторического развития Китайской ойкумены (с периода неолита до наших дней). В: Хайрутдинов, Р. Р. (ред.), *Россия – Китай: История и культура*: сб. статей XIV международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во АН РТ. С. 139–147.

2021в. Россия как государство-ойкумена. *Вестник Ивановского государственного университета*. Сер. Гуманитарные науки 3: 124–133. DOI: 10.46726/H.2021.3.13.

Кукоба, О. А. 2004. Природа и структура этнического менталитета. *Философия и общество* 4: 89–105.

Леви-Стросс, К. 1985. *Структурная антропология*. М.: Наука; Глав. ред. вост. лит-ры. 536 с.

Марченко, Г. В.

2017а. Российское офицерство в годы революционных потрясений и Гражданской войны: моральный и политический выбор. *Управленческое консультирование* 11: 140–147. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-11-140-147.

2017б. Слагаемые высокого морального авторитета российского офицерского корпуса. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России* 3: 178–182.

Машбиц-Веров, И. М. 1929. Восемнадцатый год. О романе Алексея Толстого. *Литературная газета* 8. URL: https://istmat.org/files/uploads/26314/lg_1929_06_10_n_008.pdf (дата обращения: 08.12.2022).

Михайлова, И. Б. 2010. «И здесь сошлись все царства...»: *Очерки по истории государева двора в России XVI в.: Повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности*. СПб.: Дмитрий Буланин. 648 с.

Морина, Л. П. 2008. Христианская модель власти в политической истории России. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения 2: 134–142.

Назаренко, К. Б. 2016. «Клуб для избранных»: русское и европейское офицерство в дневниках В. С. Савонько. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета* 1: 19–23.

Никифоров, А. Л. 2013. Особенности общественного положения российского офицерского корпуса на рубеже XIX–XX вв. В: Скворцов, В. Н. (ред.), *XVII Царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции 23–24 апреля 2013 г.* Т. I. СПб.: Ленинградский государственный ун-т им. А. С. Пушкина. С. 42–50.

Никонов, В. А. 2017. Октябрь 1917: почему большевики смогли завоевать власть. *Государственное управление. Электронный вестник* 64: 7–33.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2010. М.: Мысль. Т. 2. 634 с.

Паламарчук, П. Г. 1991. *Москва или третий Рим?* М.: Современник. 278 с.

Палеолог, М. 1991. *Царская Россия накануне революции*. М.: Политиздат. 493 с.

Поляков, А. Н. 2006. Древнерусская цивилизация: основные черты социального строя. *Вопросы истории* 9: 67–86.

Прилукова, Е. Г. 2011. Сакральность как атрибут бытия власти. *Вестник Челябинского государственного университета* 2: 35–38.

Рапов, О. М. 1968. «Знаки Рюриковичей» и символы сокола. *Советская археология* 3: 62–69.

Раупах, Р. Р., фон. 2007. *Лик умирающего (Facies Hippocratica). Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года*. М.: Алетейя; Русская культура. 448 с.

Сазонова, А. А. 2018. Понятие «сакральное» в теолингвистике. *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Сер. Лингвистика 15(1): 65–73. URL: <https://doi.org/10.14529/ling180112>.

Суряев, В. Н. 2017. Военная служба в восприятии российского общества начала XX в. *Проблемы истории, филологии, культуры* 2: 122–144.

Толочко, А. П. 1992. *Князь в Древней Руси: власть, собственность и идеология*. Киев: Наукова думка. 224 с.

Троцкий, Л. Д. 1997. *История русской революции*. в 2 т. Т. 1. М.: Терра. 464 с.

Успенский, Б. А. 2002. Царь и самозванец: самозванство в России как культурно-исторический феномен. В: Успенский, Б. А., *Этюды о русской истории*. СПб.: Азбука. С. 149–196.

Устименко, А. Л. 2017. Народная религия Руси: «между» язычеством и православием. *Ценности и смыслы* 2: 33–45.

Федорова, Т. В. 2010. Система корпоративных отношений как фактор формирования личности офицера (на материалах ВосточноСибирского военного округа второй половины XIX начала XX в.). *Известия Алтайского государственного университета* 4–2: 233–236.

Хромова, Е. Б. 2017. О некоторых подходах к исследованию феномена «менталитет» в социально-гуманитарном знании. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина* 1: 224–233.

Цельковский, А. А.

2011. Современный миф как результат взаимодействия традиционной мифологии и идеологии. *Вестник Челябинского государственного университета* 30: 11–15.

2016. Политический миф как детерминанта формирования национального политического сознания. *Вестник Челябинского государственного университета* 3: 13–20.

Шапиро, А. Л. 1987. *Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.)*. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 254 с.

Шебзухова, Т. А. 2021. Сакральность власти в русской имперской традиции. *Вопросы элитологии* 2(3): 30–55. DOI: 10.46539/elit.v2i3.71.

Шестопалова, А. С. 2018. Образ офицера в сознании российской общестственности после свержения Самодержавия. *Вестник Томского государственного университета. История* 52: 29–52. DOI: 10.17223/19988613/52/5.

Шкурко, Н. С. 2009. Российский имперский миф как социокультурный феномен. *Вестник Якутского государственного университета* 6(1): 127–133.

Щербинина, Н. Г. 2017. Конструирование сакрального пространства как истока русской власти. *Вестник Томского государственного университета* 420: 192–196. DOI: 10.17223/15617793/420/29.

Элиаде, М. 2010. *Аспекты мифа*. М.: Академический Проект. 251 с.

Яковлева, Е. Л. 2010. Игровая природа мифа. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета* 2–4: 106–109.